

ВОСПРОИЗВОДСТВО РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ В 1992-2016 гг.

Немного истории. Накануне радикальных экономических реформ воспроизводственный механизм народного хозяйства России естественно являлся полным аналогом общесоюзного. Его характер и содержание определялись, с одной стороны, целями, ставившимися государством перед экономикой, а с другой – условиями и способами вовлечения в производственный процесс ключевых видов хозяйственных ресурсов.

До второй половины восьмидесятых годов XX века руководством государства в качестве ведущей задачи по существу выдвигалось обеспечение военно-стратегического превосходства в соревновании двух общественно-политических систем и поддержание на приемлемом уровне возрастающих потребностей населения. Безусловное выполнение государственных планов являлось основным ориентиром деятельности производственных предприятий и критерием оценки эффективности управления на всех уровнях. Развитие гражданского сектора экономики осуществлялось также с позиций удовлетворения потребностей оборонного характера и (в меру прироста экономических ресурсов) обеспечения необходимых объемов производства потребительских ресурсов. Использование собственно экономических критериев эффективности хозяйственной деятельности в этих обстоятельствах было достаточно условным.

Естественным порождением подобной хозяйственной ситуации была планово-директивная система прямого централизованного управления потоками материальных ресурсов. Финансово-денежные параметры и показатели носили преимущественно учетную функцию, а способы их оценки зачастую носили искусственный характер.

В упрощенном виде технологическая схема управления национальным хозяйством в этой системе выглядела примерно следующим образом.

В Госплане СССР при участии министерств, ведомств, госпланов союзных республик, научных организаций целевые ориентиры, выдвигаемые, как правило, на съездах и пленумах ЦК КПСС, с учетом располагаемых ресурсов трансформировались в конкретные показатели годовых и пятилетних планов экономического и социального развития страны в целом, союзных республик, отдельных отраслей и сфер экономики, регионов, которые принимались Верховным Советом СССР и имели статус Государственного закона.

В Госснабе СССР под эти планы формировались материальные балансы производства и распределения по направлениям использования основных видов продукции. Министерства и ведомства на их основе строили планы выпуска и поставок продукции конкретным потребителям для подведомственных предприятий.

Государственный комитет цен, исходя из своих принципов и критериев, устанавливал уровень оптовых и розничных цен и тарифов на конкретные виды продукции и услуг, которые оставались неизменными достаточно продолжительный период времени и были обязательны для производителей и продавцов.

Министерство финансов, на основе складывающейся системы налогов и платежей, формировало государственный бюджет и распределение денег по министерствам, ведомствам и социальным программам в соответствии с выделенными и утвержденными материальными лимитами.

Государственный банк осуществлял денежную эмиссию в соответствии со складывающимися потребностями.

Институциональная структура подобной схемы управления представляла собой жесткую иерархическую систему министерств и ведомств, полностью регламентирующую деятельность соответствующего круга предприятий и организаций. Объемы и качество экономических ресурсов, выделявшихся министерствам (а, следовательно, подведомственным предприятиям) строго соответствовали их статусу в народнохозяйственной иерархии. Поскольку система приоритетов оставалась достаточно стабильной на протяжении продолжительного периода, то и структура распределения ресурсов оставалась достаточно консервативной, предопределяя тем самым сохранение дифференциации экономического потенциала конкретных отраслей и сфер экономики. Отдельные моменты или периоды возникновения новых приори-

тетов в гражданском секторе, как правило, были связаны с обострением ресурсных или социальных проблем и сводились к разовым вливаниям большого объема ресурсов относительно низкого качества. Структурно-технологические сдвиги в подобной системе осуществлялись исключительно медленно путем перераспределения дополнительных приростов ресурсов, не затрагивая сложившиеся потоки.

Экономический рост поддерживался, главным образом, за счет вовлечения в хозяйственный оборот все больших объемов традиционных экономических и технологических ресурсов, чему способствовал высокий уровень обеспеченности их запасами – с одной стороны и возможностей использования – с другой.

До определенного момента существование подобной концепции развития было допустимо. Ее жизнеспособность обуславливалась возможностями увеличения масштабов вовлечения в хозяйственный оборот каждого из основных факторов производства – основных фондов, труда, энергии, технологических и сырьевых ресурсов в достаточно традиционном виде.

Например, высокие темпы прироста основных фондов обеспечивались потенциально возможными масштабами наращивания капитального строительства и производства традиционных видов техники и оборудования.

Дополнительные трудовые ресурсы формировались как в результате существенного роста численности населения в трудоспособном возрасте, так и вследствие увеличения доли занятости в общественном производстве при последовательном перемещении работников из сельского хозяйства через строительство в промышленность. Одновременно повышался и общий квалификационный уровень занятых в экономике.

Вклад научно-технического прогресса в экономический рост выражался, в частности, в виде высвобождения и перераспределения трудовых ресурсов вследствие первичной механизации производства, снижения удельных затрат ресурсов, отдельных структурно-технологических сдвигов.

Достаточно благоприятные условия обеспеченности страны первичными природными ресурсами способствовали поддержанию относительно низкой капиталоемкости расширения сельскохозяйственных угодий, прироста добычи минерально-сырьевых и топливно-энергетических ресурсов.

Разумеется, было бы неверно утверждать, что вопросы повышения эффективности как всей экономики, так и использования конкретных ресурсов полностью выпадали из сферы принимаемых планово-управленческих решений. Задания по росту производительности труда, фондо- и капиталоемкости, снижению материало- и энергоемкости производства формировались на верхних уровнях управления и последовательно ретранслировались до министерств, ведомств, отдельных предприятий.

Ресурсосбережение в этой системе достигалось преимущественно за счет увеличения единичной мощности техники и оборудования, роста масштабов производства. При этом реальные интересы потребителя, включая и его издержки по доведению полученных поставок до необходимых кондиций, зачастую полностью игнорировались. Снижению народнохозяйственной ресурсоемкости способствовал и целый ряд крупных технологических сдвигов, таких, как перевод железнодорожного транспорта с угольной на дизельную и электротягу, изменение структуры топливного баланса тепло- и электроэнергетики в пользу мазута и газа, развитие строительства из сборного железобетона и ряд других. Обеспечение реализации избранных приоритетов структурной и научно-технологической политики достигалось путем опережающего роста инвестиций по соответствующим направлениям.

По мере исчерпания источников дополнительной рабочей силы, усложнения условий добычи минеральных ресурсов, насыщения производственного аппарата традиционными видами техники и технологий потенциал механизма экстенсивного роста заметно снизился. Сокращение приростов выпуска продукции и рост капиталоемкости производства в условиях преобладания ведомственных интересов замедлили и процесс структурно-технологических сдвигов, тем более что у непосредственно хозяйствующих субъектов (предприятий и организаций) практически полностью отсутствовали собственные мотивы повышения эффективности функционирования.

Следствием реализации целей и задач предшествовавшего периода и под воздействием отмеченных выше некоторых особенностей воспроизводственного механизма к началу 80-х годов XX века не только существенно замедлились темпы роста национального хозяйства, но и сформировался экономический потенциал, характеризовавшийся целым рядом крупных противоречий

и диспропорций, прежде всего структурного характера. Среди наиболее существенных, на наш взгляд, следует назвать:

- чрезмерные (по отношению к конечному потреблению) масштабы производственного потенциала топливно-сырьевого сектора и тяжелой промышленности;
- наличие огромного сектора оборонных производств, организационно и технологически изолированных от остального хозяйства и поглощающих львиную долю качественных ресурсов;
- предельно низкий уровень развития потребительского сектора экономики;
- значительное отставание от мирового уровня технических показателей и качества массовых ресурсов, функционирующих в народном хозяйстве;
- дифференциация хозяйствующих субъектов по техническому уровню производственного аппарата, условиям обеспечения ресурсами и реализации продукции;
- разрывы в техническом уровне и качестве машин, оборудования, других ресурсов, используемых в единых цепочках производственно-технологических связей;
- исключительно высокая степень монополизации производства значительной части продукции как производственно-технологического, так и потребительского назначения;
- достаточно узкая специализация регионов и других административно-территориальных единиц в производстве как промышленной, так и сельскохозяйственной продукции;
- наличие как заметной дифференциации в общем уровне развития, так и особенно острых специфических проблем отдельных регионов России.

Провал 1992-1999 гг. В экономических исследованиях в области воспроизводства как правило выделяют две его формы – простое и расширенное. Однако развитие экономики России в девяностые годы двадцатого столетия явило нам феномен «сжимающегося» воспроизводства. На протяжении этого периода происходило последовательное сокращение большинства параметров хозяйственной деятельности. Сложившееся положение вещей стало прямым следствием проводимой в этот период экономической политики, основными элементами которой, на наш взгляд, являлись тотальная либерализация хозяйственных отношений, переход к исключительно денежно-финансовым меха-

низмам и инструментам регулирования экономических процессов, принудительная приватизация государственной собственности. Не последнюю роль сыграло и разрушение единого экономического пространства, сложившегося на территории Советского Союза в предреформенный период.

В качестве основных целей в эти годы выдвигались, как правило, ориентиры преимущественно институционального характера, типа: «переход к конкурентоспособной социально-ориентированной рыночной экономике», «макрофинансовая стабилизация», «разгосударствление экономики», «создание эффективного собственника», «демонополизация производства», «масштабное привлечение иностранного капитала» и т.п.

Радикальным образом изменилась и система регулирования экономических процессов. На общегосударственном уровне вместо разрабатываемого ранее Госпланом СССР «Закона о Государственном плане экономического и социального развития», регламентирующего процессы производства и использования конкретных материальных ресурсов, во главу угла был поставлен предлагаемый Министерством финансов «Закон о Федеральном бюджете РФ», определяющий параметры формирования и распределения денежных потоков на государственном уровне.

Министерство финансов, исходя из прогнозов Министерства экономики относительно перспектив развития отдельных отраслей и видов деятельности; ставок в складывающейся системе налогов и сборов; доходов от продажи государственной и муниципальной собственности; прогнозных оценок изменения цен на внутреннем и внешнем рынках; обменного курса рубля и пр. формировало доходную часть бюджета. Расходная часть складывалась в процессе согласования запросов отдельных министерств и ведомств, разработчиков федеральных и региональных программ развития с имеющимися ресурсами. Возникавший дефицит бюджета частично покрывался за счет внутренних и внешних заимствований.

Министерство промышленности, науки и технологий разрабатывало прогнозы развития отдельных отраслей промышленности и производств, в том числе и в виде федеральных целевых программ.

Банк России формировал и реализовывал денежно-кредитную политику на прогнозный период главным образом путем установления ключевой ставки, масштабов денежной эмиссии и, отчасти, способами регулирования обменного курса рубля на валютном рынке.

При этом каждое из экономических ведомств руководствовалось, как правило, своими интересами и имело свою сферу ответственности. Так, если Минэкономики и Минпром предсказывали преимущественно темпы экономического развития, то Минфин боролся в первую очередь за бездефицитный бюджет, а Центральный банк – за сдерживание темпов инфляции.

В результате зачастую рекомендуемые ими меры и решения прямо противоречили друг другу. К примеру, предлагаемые Минэкономики и Минпромнауки целевые программы развития отдельных отраслей и производств в условиях ограниченного бюджетного финансирования и ориентации на значимое привлечение внешних источников вступали в противоречие с регулируемым Банком России высокими ставками по кредитам и более доходными (по сравнению с прямыми инвестициями) вложениями в финансовые обязательства Минфина (ГКО, ОФЗ). Аналогичным образом, жесткое ограничение денежной эмиссии в условиях галопирующей инфляции лишало действующие предприятия оборотных средств, необходимых для нормального функционирования производственных процессов. Как нам представляется, к концу XX века основные намерения, ставившиеся в процессе разрушения «административно-командной», плановой экономики были реализованы на практике. Так, на конец 1999 г. в государственной и муниципальной собственности оставалось только 11,2% общего числа предприятий и организаций, на которые приходилось 38,2% занятых и 43% основных фондов [1, с. 277, 112, 269]. Хозяйствующие субъекты получили право самостоятельно устанавливать экономические связи как внутри страны, так и с зарубежными контрагентами. В области ценообразования функции государства ограничивались только сферой регулирования цен естественных монополий. Что касается социальных результатов реформ, то их инициаторы ставят себе в заслугу понятие «прилавки полны» в отличие от «тотального дефицита» накануне реформ. (Правда, при этом среднестатистическое потребление мяса и мясопродуктов в России сократилось с 69 кг в 1990 г. до 41 кг в 1999 г., молока – с 386 кг до 215 кг, рыбы – с 20,3 до 9,9 кг, и т.д. [2, с.184, 1, с.604]).

На практике же общеэкономический результат проводимой политики реформирования вылился в то, что к 1999 г. валовой внутренний продукт (ВВП) России составлял 68% к уровню 1990 г., продукция промышленности – 50%, сельского хозяйства – 58%,

грузооборот транспорта общего пользования – 56%, инвестиции в основной капитал – 22%, реальные располагаемые денежные доходы населения – 44%, среднегодовая численность занятых в экономике – 85%. Основные фонды экономики за эти годы увеличились всего на 4%, а ежегодный ввод их в действие упал в четыре раза. При этом численность постоянного населения России сократилась на 2,6 млн. чел. [1, с. 16].

Как представляется, подобная ситуация вызвана тем, что принципиально новые условия функционирования обусловили и разнонаправленный характер реакции конкретных хозяйствующих субъектов, отдельных групп отраслей и производств на проводимую политику.

Это происходило прежде всего потому, что особенности развития в предшествующий период предопределили наличие в российской экономике значительной дифференциации отдельных регионов, секторов, отраслей и производств по условиям и источникам обеспечения ресурсами, реализации продукции и услуг, техническому уровню производственного аппарата и продукции, способам и степени решения социальных проблем.

Одни, в условиях сжатия внутреннего спроса, имели возможность реализовать свою продукцию и услуги на внешних рынках и поддерживать за этот счет собственное производство и, частично, отдельных поставщиков внутри страны. Это, в основном, предприятия и регионы топливно-сырьевой специализации; некоторые, технологически продвинутые, предприятия машиностроения, химической промышленности, других производств; вновь формирующиеся финансовые центры и институты.

Другие, целиком и полностью ориентированные на внутреннего потребителя, в условиях сжатия спроса из-за резкого сокращения доходов, роста издержек и беспрецедентного давления со стороны иностранных конкурентов, оказались не в состоянии поддерживать нормальное воспроизводство и функционирование. Это, прежде всего, сфера социально-культурного обслуживания; потребительский сектор, включая сельское хозяйство; подавляющая часть инвестиционного машиностроения; строительство и т.д.

Третьи, обладая производственным аппаратом относительно высокого технического уровня (это, как правило, значительное число предприятий оборонно-промышленного комплекса) в условиях отсутствия государственной поддержки (в том числе обвального со-

кращения гособоронзаказа) оказались не в состоянии переориентироваться на участие в решении общеэкономических задач.

Положение усугублялось и практическим отсутствием реальных институтов, способных обеспечить движение экономических ресурсов в соответствии не только со стратегическими, но и текущими интересами государства и экономики.

Следует особо подчеркнуть, что именно фундаментальные структурно-технологические особенности российской экономики, сложившиеся накануне реформ, стали причиной отсутствия позитивных результатов проводимой политики либерализации и макрофинансового регулирования. Массовая убыточность производства на фоне колоссального роста цен вытекала не столько из монополизма поставщиков сколько из технологически predetermined структуры выпуска и издержек, резкого сокращения спроса и собственных оборотных средств, появления новых источников прибыльных денежных вложений.

Так, согласно с [1, с. 266] доля материальных оборотных средств в составе национального богатства РФ сократилась с 11% в 1990 г. до 5% в 1999 г. В свою очередь доля краткосрочных финансовых вложений в составе оборотных активов предприятий и организаций за период с 1993 г. по 1999 г. возросла с 1 до 7%, а в промышленности – с 1,1 до 8,4%. В то же время остаточная стоимость производственных запасов в структуре оборотных активов в целом по экономике сократилась с 17,7 до 11,7% [1, с. 526].

Представленные данные дают основание утверждать, что в рамках проводимой в этот период экономической политики государства интересы хозяйствующих субъектов сместились из области управления производством собственно товаров и услуг в сферу управления денежными потоками, имеющимися в распоряжении предприятий и организаций, с целью получения максимально возможной прибыли.

Об этом свидетельствуют и имеющиеся данные о структуре формирования и использования денежных средств предприятий и организаций [1, с. 524]. Так, согласно этим материалам, за 1996-1999 гг. в целом по экономике доля выручки от реализации товаров, продукции и услуг в общем поступлении денежных средств снизилась с 44,9 до 27,7% (в промышленности – с 48,6 до 40,0%); доля расходов на приобретение товаров, оплату труда, услуг в общей сумме израсходованных денежных средств снизилась с

31,5 до 19,8% (в промышленности – с 33,5 до 25,7%). В то же время доля прочих поступлений увеличилась с 35,4 до 51,9%, а прочие выплаты и перечисления возросли с 45,8 до 67,7% денежных расходов предприятий и организаций России.

В рассматриваемый период существенным образом изменилась и структура производства (воспроизводства) валового внутреннего продукта. Так, доля производства товаров в его составе снизилась с 60,5% в 1990 г. до 40,9% в 1999 г., а доля услуг возросла с 32,6 до 50,1% соответственно [1, с. 250]. Аналогичным образом менялась и отраслевая структура валовой добавленной стоимости. В частности, за рассматриваемый период удельный вес промышленности в валовом внутреннем продукте сократился с 34,2 до 26,5%, сельского хозяйства – с 14,9 до 5,6%, строительства – с 8,6 до 4,9%, науки и научного обслуживания – с 2,5 до 0,7% при увеличении доли торговли с 5,0 до 18,2%, управления (включая оборону) с 2,7 до 4,0% и появлении новых, экономически значимых в сложившейся системе учета отраслей типа «Операции с недвижимым имуществом» – 2,2% ВВП в 1999 г., «Общая коммерческая деятельность по обеспечению функционирования рынка» – 0,8% [1, с. 252-257].

Однако снижение согласно официальным оценкам доли производства товаров в структуре ВВП ниже 50% отнюдь не свидетельствует о реальном переходе российской экономики к некоему «постиндустриальному» типу развития. Это, прежде всего, прямое следствие разрушения отечественного реального сектора под давлением реализуемой в этот период экономической политики (недостаток оборотных средств предприятий в результате потери сбережений вследствие масштабов инфляции и сдерживания денежной массы, сверхвысокой прибыльности операций с ГКО-ОФЗ (доля краткосрочных финансовых вложений в структуре оборотных средств предприятий и организаций возросла с 1,9% в 1994 г. до 7,0% в 1999 г., в то время как доля выручки от реализации продукции в составе денежных поступлений снизилась с 72,25 до 27,7%, а прочих поступлений возросла с 10,6 до 51,9% [4, с. 282, 283; 1, с. 524-527]), острой конкуренции с иностранными поставщиками на внутреннем рынке вследствие либерализации условий внешней торговли (к примеру, доля поступлений по импорту в составе товарных ресурсов для обеспечения оборота розничной торговли возросла с 14% в 1991 г. до 54% в 1995 г. и

48% в 1998 г. [1, с. 460]), появления масштабных цепочек посредников в процессе продвижения товара по линии «производитель-потребитель» (так, только с 1995 по 1999 г. объем продаж промышленных предприятий на оптовом рынке сократился на 10%, в то время как организации оптовой торговли увеличили продажи на 33% [1, с. 461]) и т.п. Косвенным подтверждением этого факта может служить и то, что согласно нашим расчетам на основе сопоставления таблиц «затраты-выпуск» России и США [3], уровень транзакционных издержек (преимущественно торгово-транспортных) в структуре промежуточного потребления в России в 1,5 раза выше, чем в США, что свидетельствует о гипертрофированном развитии этой сферы и росту несбалансированности в отечественной экономике.

С позиций исследования характера процесса воспроизводства на общенациональном уровне значительная роль принадлежит анализу особенностей инвестиционной деятельности в экономике.

В этой связи, прежде всего, обращает на себя внимание то, что в новых экономических условиях хозяйствующие субъекты стали отдавать безусловное предпочтение финансовым вложениям перед проблемами собственно производственной деятельности. Так, согласно [1, с. 545-546], если в 1993 г. финансовые вложения предприятий и организаций составляли около 10% по сравнению с инвестициями в основной капитал, то в 1999 г. они в 1,5 раза превышали последние.

Одновременно с этим, на фоне беспрецедентного сокращения общих масштабов инвестиций в основной капитал, происходили существенные изменения в их структуре [1, с. 547]. Увеличивалась или оставалась стабильной доля отраслей, предприятия которых получили прямой выход на внешние рынки (нефтегазовая промышленность, металлургия); имели преимущества в новой системе экономических отношений (пищевая промышленность, торговля, транспорт, прочие отрасли, включающие вновь появившиеся виды услуг). При этом удельный вес остальных отраслей обрабатывающей промышленности и особенно сельского хозяйства резко сократился.

Причины и последствия инвестиционного кризиса 90-х годов XX в., его воздействие на общий ход воспроизводства в российской экономике этого периода достаточно детально изложены в [5-6].

Вышеприведенные примеры дают основание полагать, что проводимая в последнем десятилетии XX века экономическая (и

прежде всего денежно-кредитная) политика государства, отдавая приоритет чисто денежным критериям и механизмам регулирования экономических параметров, угнетающе действовала на реальные производственные процессы и воспроизводство национальной экономики в целом.

По нашему мнению, к началу XXI века в отечественном народном хозяйстве сформировалась новая многоуровневая, иерархически устроенная система функционирования экономических ресурсов, основанная на принципах, обоснованных академиком Ю.В. Яременко в [7]. Основным ее отличием от плановой экономики является то, что определяющее значение в ней получили не потоки материальных и технологических ресурсов, а потоки денежных средств. При этом если располагаемые объемы материальных и технологических ресурсов объективно ограничены масштабами их производства, то денежные средства таких жестких ограничений не имеют (возможность внешних заимствований, масштабный вывоз капитала, рост мировых цен на экспортруемую продукцию и т.п.), что и является одной из причин не только чисто финансовых кризисов, но и нарушения естественного хода воспроизводственных процессов, возрастания структурно-технологической несбалансированности в экономике ярко проявившихся в острой реакции отечественного хозяйства на мировой финансовый кризис 1997-1998 гг.

Оживление 2000-2007 гг. После кризиса 1998 г. в России наметилась тенденция устойчивого роста большинства экономических показателей. Так, за период 2000-2008 гг. валовой внутренний продукт увеличился в 1,8 раза, промышленное производство – в 1,6 раза, объем годовых инвестиций в основной капитал – почти в 3 раза, а ввод в действие основных фондов – в 3,6 раза [8, с. 36].

Однако сам факт некоторого оживления экономики в этот период, на наш взгляд, отнюдь не означает восстановления процессов расширенного воспроизводства в национальном хозяйстве (прежде всего в реальном секторе).

Общепризнанно, что основными причинами оживления отечественной экономики в эти годы являлись, с одной стороны, рост ценовой конкурентоспособности российской продукции на внутреннем и внешних рынках, а с другой – сохранение к началу периода значительных объемов незагруженных производственных мощностей, прежде всего в промышленности.

Так, на фоне устойчивого роста розничного товарооборота в эти годы доля продукции отечественного производства в товарных ресурсах розничной торговли увеличилась с 46% в 1995 г. до 55% в 2008 г. [8, с. 523]. Одновременно с этим заметно увеличивались объемы экспорта многих видов продукции обрабатывающих производств [8, с. 710-711]. Изменение уровня загрузки имеющихся в наличии мощностей характеризуют данные табл. 1 [8, с. 380-381].

Таблица 1

Уровень использования среднегодовой
производственной мощности организаций
по выпуску отдельных видов продукции, %

Вид продукции	1990 г.	1995 г.	2008 г.
Мясо	76	32	58
Колбасные изделия	90	54	67
Масла растительные	79	35	63
Маргариновая продукция	79	20	60
Цельномолочная продукция	76	24	54
Кондитерские изделия	92	46	65
Безалкогольные напитки	67	17	54
Ткани хлопчатобумажные	91	28	67
Чулочно-носочные изделия	95	36	64
Трикотажные изделия	93	21	53
Обувь	87	23	66
Древесностружечные плиты	92	39	88
Картон	87	41	85
Минеральные удобрения	75	50	82
Шины	91	43	81
Трубы и детали из термопластов	56	17	56
Цемент	93	45	70
Краны на автомобильном ходу	82	37	80
Тракторы	81	11	21
Кузнечно-прессовые машины	83	13	44
Бульдозеры	88	22	70
Холодильники и морозильники	98	37	78
Автомобили грузовые	90	16	55

Говорить о переходе отечественной экономики к модели расширенного воспроизводства в период 2000-2008 гг. не позволяют и результаты анализа характера инвестиционной деятельности хозяйствующих субъектов в этот период.

На фоне положительной динамики инвестиций в основной капитал структура целей инвестирования промышленных предприятий изменилась несущественно (табл. 2) [8, с. 668].

Как видно из данных табл. 2, подавляющее большинство обследованных предприятий осуществляло инвестиции в замену изношенно-

го оборудования. Тем не менее, общий низкий уровень масштабов инвестиций в основной капитал по отношению к накопленным объемам основных фондов не позволил преодолеть тенденцию к увеличению степени износа последних с 35,1% в 1990 г. и 39,4% в 2000 г. до 46,3% в 2008 г. [8, с. 329].

Таблица 2

Распределение организаций по оценке целей инвестирования в основной капитал

Цель инвестирования в основной капитал	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.
Увеличение производственных мощностей с неизменной номенклатурой продукции	42	35	35	36	33	28	31	27	29
Увеличение производственных мощностей с расширенной номенклатурой продукции	34	26	28	27	33	38	36	39	39
Автоматизация и механизация существующего производственного процесса	51	51	46	51	53	51	51	53	51
Внедрение новых производственных технологий	41	43	42	39	40	46	47	44	42
Замена изношенной техники и оборудования	56	73	68	71	70	73	72	73	70
Создание новых рабочих мест	30	17	17	16	21	25	21	21	22

Одновременно с этим отметим тот факт, что относительно высокий удельный вес предприятий, осуществляющих капитальные вложения во внедрение новых производственных технологий, присутствующий в табл. 2, мало согласуется с данными об удельном весе организаций, осуществляющих технологические инновации в этот период (колеблющемся около 10%), приведенными в [8, с. 562].

Среди причин, сдерживающих инвестиционную активность предприятий в этот период преобладают, согласно проводимым опросам [8, с. 668]: недостаток собственных оборотных средств, высокий процент коммерческого кредита, сложный механизм получения

кредита для реализации инвестиционных проектов, инвестиционные риски, неопределенность экономической ситуации в стране.

В условиях, когда Центральный Банк РФ, ставя своей основной задачей борьбу с инфляцией, сохранял исключительно высокий уровень процентных ставок, отечественные хозяйствующие субъекты вынужденно шли на увеличение внешних заимствований. Так, если за период 2001-2009 гг. внешний долг органов государственного управления России сократился с 116,7 млрд. долл. до 29,5 млрд., то долг российских банков возрос с 9,0 до 166,3 млрд., а прочих секторов – с 22,4 до 281,4 млрд. долл., причем в обоих случаях преобладали долгосрочные заимствования [8, с. 37]. В результате резко возросла их зависимость от колебаний курса национальной валюты и политики, проводимой кредиторами.

На фоне сокращения доли убыточных предприятий в России с 53,2% в 1998 г. до 28,3% в 2008 г. [1, с. 522; 8, с. 618] активно продолжалось перераспределение их средств в сферу финансовой деятельности в ущерб производственной. Так, если, как уже упоминалось выше, в 1999 г. объем финансовых вложений предприятий и организаций в 1,5 раза превышал объем инвестиций в основной капитал, то в 2008 г. это превышение возросло до 3-х раз [8, сс. 651, 670]. При этом доля краткосрочных вложений в общем объеме финансовых вложений возросла с 30% в 1999 г. до 83% в 2008 г., а в составе оборотных активов организаций – с 7% до 18% [8, с. 623].

Таким образом, можно констатировать, что некоторое оживление экономики России в период 2000-2008 гг. можно охарактеризовать как процесс восстановления простого воспроизводства. Оно не сопровождалось созданием предпосылок долгосрочного устойчивого развития. Экономическая политика органов государственного управления попрежнему сводилась к использованию преимущественно макрофинансовых инструментов регулирования хозяйственных процессов. В поведении хозяйствующих субъектов денежно-финансовые мотивы превалировали над производственными. Инвестиционная деятельность была ориентирована преимущественно на поддержание в работоспособном состоянии уже существующих мощностей, а не на их модернизацию, расширение, создание новых производств. Одновременно существенно возросла зависимость от внешних условий. Негативные последствия этих обстоятельств ярко проявились не только в характере кризиса 2008-2009 гг., но и в последующем периоде.

Застой 2009-2016 гг. Кризисные явления в российской экономике в конце 2008-2009 гг. стали прямым следствием мирового финансового кризиса. Они были обусловлены падением мировых цен на энергоресурсы и сокращением спроса на российский экспорт, вызвавших соответствующее сокращение доходов отечественных производителей; снижением рентабельности выпуска товаров и услуг; сокращением внутреннего спроса; массовым оттоком из страны отечественного и зарубежного капитала.

Представляется, что столь болезненная реакция российской экономики на мировой финансовый кризис оказалась вполне естественным результатом проводимой в предшествующие годы политики макрофинансового регулирования.

Высокий уровень процентных ставок, поддерживаемый ЦБ России под лозунгом сдерживания инфляции, вынуждал хозяйствующие субъекты к наращиванию внешних заимствований, что, в условиях падения курса рубля, привело к катастрофическому увеличению их задолженности. В свою очередь, Министерство финансов РФ сдержанно относилось к идее государственных вложений в экономику, стремясь оптимизировать сальдо бюджета, и наращивая резервные фонды (справедливости ради, отметим, что их наличие реально позволило несколько ослабить возникшие финансовые дисбалансы, но, отнюдь, не стало условием последующей стабилизации и развития).

Антикризисные меры правительства в период 2008-2009 гг. также были ориентированы исключительно на решение текущих финансовых проблем экономики и поэтому нельзя не согласиться с детальным анализом и выводами, содержащимися в [9]: «Осуществление антикризисных мер может привести к перераспределению ресурсов в пользу традиционных секторов, воспроизводству устаревших технологических укладов, искажениям в регулировании, ограничению условий для быстрого роста после прохождения фазы кризиса». Весь ход последующего развития отечественной экономики подтверждает справедливость этого утверждения.

Действительно, как можно видеть из данных табл. 3 [10], никаких существенных сдвигов в динамике общеэкономических показателей в результате политики, реализуемой органами государственной власти в кризисный и послекризисный период не произошло.

К концу первого десятилетия XXI века резервы наращивания производства за счет повышения уровня загрузки существующих

мощностей и импортозамещения были практически исчерпаны, а объемы ввода новых мощностей оставались незначительными вследствие низкой инвестиционной активности как государства, так и частных инвесторов.

Таблица 3

Динамика отдельных макроэкономических показателей
в 2009-2016 гг., % (2008 г. – 100%)

Показатель	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.
ВВП	100	92,2	96,3	100,5	104,0	105,3	105,8	102,8	102,6
Промышленное производство	100	89,3	95,8	100,6	104,4	104,4	106,2	102,6	98,2
Инвестиции в основной капитал	100	86,5	91,9	101,8	108,8	109,6	108,0	98,9	98,0

Более того, как видно из данных табл. 4, государство последовательно сокращало меру своего участия в инвестиционной деятельности. Удельный вес предприятий и организаций государственной, муниципальной и смешанной форм собственности в практически стабильном объеме инвестиций в основной капитал последовательно сокращался с 32,5% в 2008 г. до 25,4% в 2015 г.

Одновременно с этим, в стремлении решать проблемы сбалансированности Федерального бюджета чисто финансовыми методами Правительство РФ резко увеличило объемы эмиссии и размещения государственных ценных бумаг. Так, если в 2008 г. объем размещения и доразмещения государственных ценных бумаг (ГКО-ОФЗ) составлял 185,3 млрд. руб., то в 2010 г. – 715,6 млрд. руб., в 2011 г. – 756,1 млрд. руб., в 2012 г. – 794,6 млрд. руб., в 2013 г. – 764,8 млрд. руб., в 2014 г. – 159,9 млрд. руб., в 2015 г. – 668,1 млрд. руб. [11, с. 555; 12, с. 553]. Практическое отсутствие риска и стабильная доходность по государственным ценным бумагам в сравнении с инвестициями в основной капитал, побуждала хозяйствующие субъекты отдавать предпочтение первым. В результате, если в 2008 г. объем инвестиций в основной капитал почти в 8 раз превышал объем стоимости государственных ценных бумаг в обращении, то к 2014 г. этот показатель снизился до 3 раз (табл. 4) [10-12].

Некоторые структурные характеристики
инвестиционной деятельности в 2008-2015 гг., %

Показатель	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.
Инвестиции в основной капитал	100	100	100	100	100	100	100	100
Из них:								
государственные и муниципальные	22,4	22,9	20,4	20,0	20,0	20,6	18,3	16,3
смешанные российские консолидированного бюджета	10,1	7,0	7,5	11,9	12,1	9,5	9,7	9,1
	20,9	21,9	19,5	19,2	17,9	19,0	17,0	18,3
Отношение объема инвестиций в основной капитал к объему финансовых вложений предприятий и организаций	33,3	35,0	22,1	16,6	18,6	18,4	17,7	11,5
Доля долгосрочных финансовых вложений в их общем объеме	17,0	21,6	11,9	10,7	10,3	12,9	12,5	10,9
Отношение объема инвестиций в основной капитал к объему государственных ценных бумаг в обращении	768	543	446	394	394	370	303	-

Приоритет финансово-стоимостных ориентиров и инструментов регулирования экономических процессов, практикуемый сегодня органами государственного управления, естественным образом трансформируется и в характер поведения хозяйствующих субъектов, во все большей степени ориентирующихся преимущественно на текущие финансовые результаты, нежели на проблемы собственно производственной деятельности. Подтверждением этому служит опережающий рост финансовых вложений предприятий и организаций в сравнении с инвестициями в основной капитал и стабильно низкий удельный вес долгосрочных вложений (табл. 4.).

Низкая активность в сфере инвестиционной деятельности самым негативным образом сказывается на состоянии производственного потенциала национального хозяйства и прежде всего – основного капитала. Так, степень износа основных фондов в целом по экономике возросла с 45,3% в 2008 г. до 49,4% в 2014 г., а удельный вес полностью изношенных основных фондов в 2015 г составил 15,8% по сравнению с 13,1% в 2008 г. (при этом коэффициент обновления основных фондов был на уровне 3,9 и 4,4% соответственно) [10].

Представляется, что приведенные выше обстоятельства позволяют охарактеризовать период 2008-2016 гг. как период сохранения масштабов простого воспроизводства за счет использования ранее созданного производственного потенциала при отсутствии создания каких-либо значимых предпосылок перехода к расширенному типу воспроизводства.

Заключение. Несомненно, содержание данной статьи отражает позицию автора лишь по некоторым общим характеристикам процесса общественного воспроизводства в российской экономике за рассматриваемый период и должно быть дополнено исследованиями, посвященными воздействию проводимой государством на протяжении последних двадцати лет политики денежно-кредитного регулирования и институциональных реформ в целях достижения текущей макрофинансовой стабилизации на состояние основных факторов производства – основных фондов, трудовых ресурсов, научно-технического потенциала и др.

Становится вполне очевидно, что упование на механизмы рыночного саморегулирования как средство обеспечения процесса расширенного воспроизводства в современной российской экономике себя не оправдало и в повестку дня встает вопрос об усилении роли государства в формировании и направлении потоков экономических ресурсов. Об эффективности прямого государственного участия в экономике свидетельствуют, в частности, результаты развития аграрно-промышленного и оборонного комплексов в последние годы.

Представляется, что необходимым условием перехода национального хозяйства к расширенному типу воспроизводства является акцентированная государственная структурно-инвестиционная политика, содержащая действенные механизмы регулирования потоков инвестиционных ресурсов (не только финансовых, но и материальных, трудовых, технологических и т.п.) в направлениях, обеспечивающих желаемую структурную перестройку отечественной экономики.

Литература и информационные источники

1. *Российский статистический ежегодник. М.: Госкомстат, 2000. 642 с.*
2. *Народное хозяйство Российской Федерации. М., 1992. 602с.*
3. *Сутягин В.С., Савчишина К.Е. Итоги и проблемы развития российской сферы услуг в период реформ // Вестник РГНФ. 2007. № 3. С. 99-107.*
4. *Российский статистический ежегодник. М.: Госкомстат, 1995. 976 с.*

5. *Гладышевский А.И. Прогнозирование воспроизводственных процессов в экономике (инвестиционный аспект). М.: МАКС Пресс, 2004. 392 с.*
6. *Шокин И.Н. Накопление капитала: мотивационные аспекты // Научные труды Института народнохозяйственного прогнозирования РАН. М.: МАКС Пресс, 2008. С. 42-71.*
7. *Яременко Ю.В. Теория и методология исследования многоуровневой экономики // М.: Наука, 1997. 400 с.*
8. *Российский статистический ежегодник. М.: ФСГС, 2009. 795 с.*
9. *Оценка антикризисных мер по поддержке реального сектора российской экономики. Совместный доклад под рук. Симачева Ю.В. и др. // Вопросы экономики. 2009. № 5. С. 21-46.*
10. *Основные социально-экономические показатели Российской Федерации в 1991-2016 гг. Режим доступа: www.gks.ru*
11. *Российский статистический ежегодник. М.: ФСГС, 2015. 795 с.*
12. *Россия в цифрах. М.: ФСГС, 2016. 575 с.*